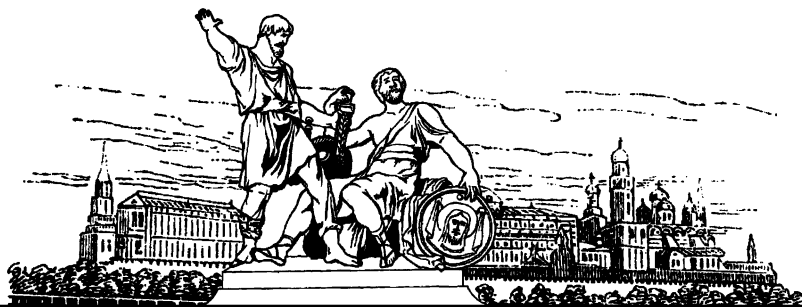

Г л а в а п я т а я

ГРАФ С.С. УВАРОВ — МИНИСТР НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В пору наивысшего могущества Российской империи, после наполеоновских войн и учреждения Священного Союза в нашем правительстве не было более авторитетной фигуры, чем виднейший идеолог того времени — Сергей Семёнович Уваров (1786—1855). Были равные Уварову крупнейшие наши администраторы — граф Павел Дмитриевич Киселёв и граф Егор Францевич Канкрин. Но Уваров — особая статья... Разговор о министре мы начнём с воспоминаний о его отце — соратнике Г.А. Потёмкина, Семёне Фёдоровиче Уварове, известном «Сеньке-бандуристе».

1

Семён Фёдорович был отважным офицером и весельчаком, славился игрой на бандуре и умением танцевать вприсядку. Всесильный Потёмкин приблизил к себе остроумца, сделал его флигель-адъютантом императрицы и женил на Дарье Ивановне Головиной, весьма завидной невесте. О «Сеньке-бандуристе» ходило немало анекдотов,

Наш журнал получил новую жизнь в 1834 году, когда был возрождён как «Журнал Министерства Народного Просвещения». Под таким названием он выходил до 1917 года и даже при советском правительстве (ноябрь 1917-го, первый выпуск журнала), хотя никаких министерств уже не существовало.

которые уже при Николае I повторялись недоброжелателями С.С. Уварова как укор в низком происхождении графа. Анекдоты о Семёне Уварове любил и Пушкин, враждовавший со всецельным министром. Собственно, благодаря язвительности Александра Сергеевича мы и запомнили Сеньку-бандуриста. Особенно знаменит случай с Суворовым.

Однажды Александр Васильевич Суворов обедал у Потёмкина. Было это в постный день. Князь Таврический угощал генералов и своих приближённых изысканными яствами, но Суворов скромно ел рыбу. Потёмкин позволил себе пошутить:

— Наш Александр Васильевич великий постник. Видно, он хочет въехать в рай на осетре!

На следующий день Суворов повстречался с Семёном Уваровым — свидетелем потёмкинской шутки. И Сенька-бандурист, улыбаясь, спросил: «А правда, Александр Васильевич, что вы хотите въехать в рай верхом на осетре?» Суворов ответил мрачно:

— Знайте, что генерал Суворов иногда делает вопросы, но никогда на них не отвечает.

И, повернувшись, пошёл прочь.

Этот сюжетец, выставивший Семёна Уварова жалким подпевалой, получившим строгую суворовскую отповедь, очень нравился Пушкину... А между тем Семён Уваров был подполковником конной гвардии, что означало высокое положение при дворе.

2

Крёстной матерью нашего героя стала сама императрица Екатерина Великая: Потёмкин продолжал покровительствовать семье бандуриста. Семён Уваров умер, и сын остался на попечении матери и её родни. С мальчиком занимался учёный французский аббат Манген, сбежавший от революции и хранивший ностальгические воспоминания о золотом веке французской аристократии. Идеологическая триада революции «Свобода, равенство и братство!» была ненавистна Мангену. Но, вероятно, из его рассказов Уваров уяснил действенность запоминающегося идеологического посыла. Он использует форму запоминающейся триады для создания российской имперской идеологии. Сергей Уваров был человеком одарённым, ему легко давалась учёба, захватывало и творчество. На радость умилённым родственникам он писал по-французски стихи и артистично декламировал их. В наше время Уварова называли бы вундеркиндом. В те времена ранние проявления творческих способностей в аристократических семьях были не так уж и редки, но знаменательны. Из старших и младших современников Уварова «вундеркиндами» можно назвать Алексея Мерзлякова и Александра Грибоедова, Александра Пушкина и Михаила Лермонтова... Вот и Уварова восторги взрослых быстро приучили к публичному успеху; в будущем он сделает всё, чтобы успех его не оставил.

Сергею Уварову шёл тринадцатый год, когда он недорослем был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел. 1801 год — начало служебной карьеры Уварова. Пятнадцатилетнего Уварова отправили в Гёттинген, учиться в университете. В Европе Уваров сочиняет свои первые эссе, знакомится с выдающимися писателями и учёными — с Гёте, Жерменой де Сталь, братьями Гумбольдтами. В Вене он становится завсегдатаем обедов у писательницы Жермены де Сталь — убеждённой противницы Наполеона, угадавшей в молодом русском дипломате литературный талант.

«С душой почти что гёттингенской» юный дипломат вошёл в кружок Алексея Николаевича Оленина (1763—1843), археолога, художника и литератора, директора Публичной библиотеки. У Оленина собирались блистательные писатели разных поколений: Озеров, Капнист, Марин, Шаховской, Крылов... Кружок Оленина появился ещё до учреждения литературных обществ «Беседа любителей российской словесности» и «Арзамас». Для Уварова, которому предстояло сыграть свою роль в жизни обоих обществ, гостеприимная усадьба Олениных стала наилучшей школой. Как это было принято, молодой литератор и дипломат принялся усердно изучать античную культуру.

В литературных воспоминаниях, анонимно опубликованных в «Современнике» (№ 6 за 1851 год), отставной министр С.С. Уваров вспоминал кружок Оленина и рассуждал о роли литературных кружков в истории культуры. Вот что он писал: «В одно почти время искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А.Н. Оленина. Этот достойный сановник, которого труды и усердие не вполне оценены, может быть, настоящим поколением, был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он всё свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему недоставало вполне этой быстрой наглядной сметливости, этого утончённого, пронизательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовала успехам русских художников. Кипренский был им взыскан и поощряем; конечно, Егоров, Шебуев, оба Брюлловы не забыли постоянного о них попечения А.Н. Оленина. Сверх того, Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня до драгоценностей креченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников».

В мемуарных строках отставника сквозит патриотическое чувство, с годами всё более важное для Уварова. Обратим внимание на то, как радуется Сергей Семёнович — настоящий, рачительный министр просвещения — успехам *отечественной* школы в живописи и археологии... Слово «отечественный», несколько раз повторенное графом Уваровым, ключевое в его мемуарах. Да и Отечественную войну 1812 года он неизменно вспоминал с благоговением.

В литературном обществе «Арзамас», основанном в Москве Жуковским и Карамзиным, каждому участнику давали прозвище, как правило, позаимствованное из баллад Жуковского. В «Арзамасе» царила атмосфера бесконечной литературной игры, лучшие перья России упражнялись в остроумии, приравливая родной язык к лёгкой поэзии и воюя с литературными староверами. Самого Жуковского прозвали «Светланой», Василия Львовича Пушкина — «Вотом», его племянника, юного Александра Пушкина, — «Сверчком», а Сергея Семёновича Уварова — «Старушкой», с ироничным уважением подчеркнув, что молодой человек уже считался ветераном борьбы за реформу русского литературного языка. Ведь он был автором первой положительной рецензии на двухтомник новаторских «Опытов» К.Н. Батюшкова. И эта рецензия, опубликованная Сергеем Семёновичем в петербургской французской газете, на некоторое время стала манифестом «новой литературы». К тому времени С.С. Уваров уже имел значительные заслуги перед русской литературой: в двухлетней дискуссии с поэтом державинского круга В.В. Капнистом он сформулировал «золотое правило» о единстве формы и мысли в творчестве, ставшее аксиомой для русских писателей пушкинского века. А началась дискуссия с письма Николаю Ивановичу Гнедичу, в котором Уваров, к тому времени уже увлекавшийся античной поэзией, рассуждал о возможностях русского гекзаметра. Гнедич начал переводить «Илиаду» александрийским стихом (хотя русский гекзаметр к тому времени был уже опробован Тредиаковским и Радищевым). Уваров убеждал Гнедича использовать русский гекзаметр. Тот внял совету и принялся перелгать Гомера гекзаметром, в чём и преуспел. Поэт старшего поколения Капнист выступил против уваровских положений — и начался почтенный литературный спор. Уваров отстаивал новое направление в литературе, считался прогрессистом — этот факт сильно повлиял на его репутацию. Историки литературы, всецело усвоившие либеральную систему ценностей, впоследствии получили возможность говорить об эволюции Уварова от либерализма времён «Арзамаса» к охранительству, породившему триаду «Православие. Самодержавие. Народность». Об Уварове-охранителе принято было писать с плохо скрываемой злобой. Вот и Викентий Викентьевич Вересаев аттестует нашего героя так: «Одна из гнуснейших фигур среди министров николаевской эпохи»... Об Уварове арзамасского периода говорят как о «тористе» (определение

С.С. Уваров

Н.И. Тургенева), то есть противнике деспотизма, стороннике власти справедливых законов, которые превыше власти монарха. С 30-х годов принято различать «поправение» взглядов Уварова, превратившегося в реакционера.

До чего фальшиво это разделение исторических лиц и явлений на «реформаторские» и «реакционные»! Культ реформаторства и революционных подходов так дорого обходится нашему обществу! Конечно, мировоззрение Сергея Семёновича Уварова эволюционировало, развивалось, менялось. Но мы не видим в мыслях и поступках этой яркой личности значительного противоречия. Был одарённый человек, жадный до новых впечатлений, деятельный и властолюбивый, работоспособный и артистичный. Его тянуло к людям культуры, к творцам — и он смолоду умел находить общий язык с людьми противоположных направлений: с кружком Оленина и «Арзамасом», с «Беседой...» и прогрессистами.

Д.Н. Блудов

Блестящий, многообещающий молодой человек, Уваров женится на дочери министра народного просвещения графа А.К. Разумовского, делает полезные знакомства, получает первое солидное назначение — попечителем Петербургского учебного округа. Судьба его была решена: не дипломатия, а просвещение станет поприщем Сергея Семёновича. Одна великосветская дама не без язвительности охарактеризовала молодого столичного «попечителя»: «Красавец и баловень аристократических собраний. Остроумный, ловкий, весёлый, с примесью самолюбия фата».

В рамках любой групповой этики ему было тесно. Поэтому для всех партий Уваров оставался по большому счёту чужаком. А ценили его те, кто нуждался в его профессионализме и энергии. Поэтому его высоко ценил император. Правда, среди тех, кто Уварова не жаловал, был и истинный царь русской литературы — Александр Сергеевич Пушкин. Но здесь можно говорить о взаимной личной неприязни двух джентльменов, не стеснявшихся в средствах для нападок друг на друга. Хотя у Пушкина и Уварова была, до известной степени, общая «альма матер» — общество «Арзамас», которое будущий министр народного просвещения основал в 1815 году. Да-да, именно Уваров был основателем озорного «Арзамаса», приюта борцов за новую литературу. Дело было так. Блудов¹ в 1815 году написал шутовское «Видение в Арзамасе», в котором Уваров увидел возможность для создания весёлой литературной мифологии. По всем правилам этикета Сергей Семёнович

разослал знакомым писателям циркуляры с просьбой пожаловать к нему на вечер 14 октября. Вечер состоялся. С несравненным артистизмом, восседая во главе стола, Уваров приветствовал собравшихся. Он предложил воплотить видение Блудова — основать общество «Арзамасских безвестных литераторов». Василий Андреевич Жуковский, неистощимый шутник и самый авторитетный литератор молодого поколения, был избран секретарём общества. Он предложил арзамасцам свод правил. Заседания чаще всего проходили в петербургском или загородном доме Уварова. В.А. Жуковский с тех пор и на долгие десятилетия стал другом Уварова; нередко они сообща решали важные просветительские задачи. Кстати, ещё в 1810 году Жуковский перевёл на русский язык «Проект Академии Азиатской», по обыкновению написанный Уваровым на французском. В этом замечательном проекте видится прозорливость Уварова, понимавшего, что Российской империи необходимо вести ответственную политику на Востоке. А в «Арзамасе» Уваров был не просто «своим человеком», как снисходительно замечают некоторые современные исследователи, а одним из фундаторов общества. Но спустя два года Сергей Семёнович охладел к затянувшейся литературной игре. Постоянные нападки на литераторов — участников «Беседы...» — теперь казались будущему министру пустой морочкой. Но ушёл Уваров по-арзамасски, с выдумкой. В весёлом аллегорическом духе обосновал он свой уход из «Арзамаса»: в его прощальном донесении сообщалось о поездке

¹ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — известный русский дипломат, политический деятель, историк и литератор.

в город Арзамас, посещения трактира, описанного Блудовым. Там, в Арзамасе, из речных струй перед Уваровым явился старец-водяной и обратился к нему с замечательной речью:

— Гуси, гуси! Кто вас не любит? Да долго ли вам беситься? Царство литературы почти в ваших руках — когда перестанете вы топить в моих чистых стряхах карликов Беседы и Академии? Давно уже не стало их бумажных тронов, — перестаньте с ними возиться! Какой чёрт вас с ними связал? Похвально было сказать свету, что они глупцы, похвально было согнать с Парнаса нестерпимую толпу лжегениев; но они давно уже рассеялись под вашими ударами. Чего же вам более? Но должны ли вы довольствоваться сими жалкими трофеями? От вас я ожидаю более; я ожидаю возобновления отечественной литературы, я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте их, как некогда ваши предки спасали Капитолий: ныне не один Бренн им угрожает; полчища уродливых Бреннов с гасильниками в руках стремятся погасить ту бедную искру человечества и рассудка, которую я поручил в ваше попечение. Пора испугать их светом разума, разогнать их скопища объявлением войны продолжительной и смелой! Тогда я с радостью буду издали внимать кликам вашей победы и с гордостью признавать вас за моих сынов, за истинных Гусей Арзамасских!

Заседание литературного общества

Вот такое шутивное прощание...

Пушкин, Крылов, Жуковский
и Гнедич в Летнем саду.
Худ. Г.Г. Чернецов 1832 г.

Надо заметить, что среди участников руганной арзамасцами «Беседы любителей русского слова» были такие писатели, как Г.Р. Державин, И.А. Крылов, молодые А.С. Грибоедов, П.А. Катенин, С.И. Бобров. Вызывают уважение и филологические изыскания А.С. Шишкова, который в 1812-м году превратился в идеолога Победы. Последовательный, искренний, неконъюнктурный патриот... Не зря даже литературный недруг — Пушкин — нашёл для него такие слова: «Сей старец дорог нам он блещет среди народа священной памятью двенадцатого года».

Как замечено Ю.И. Минераловым, главным преимуществом арзамасцев в истории литературы стал тот факт, что в их среде проявился гений — А.С. Пушкин². А строгие приговоры «Беседе...», выносимые многими лихими арзамасцами вроде Василия Пушкина, сейчас не вызывают единодушного читательского одобрения. Можно говорить о прозорливости Уварова, недовольного литературной войной на уничтожение, в которой просвещение могло оказаться в проигрыше. Сказался и дипломатизм будущего министра, не желавшего портить отношения с влиятельными членами «Беседы...» и сочувствовавшими им вельможами.

² Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. М., 1999. С. 24–26.

Вид на здание
Академии наук
с Невы

В 1851 году С.С. Уваров вспоминал об арзамасских временах весьма благодушно:

«Вскоре после трудов и подвигов 12-го года, когда Россия уже наслаждалась плодами славного мира, в Петербурге, под влиянием того направления, которое гений Карамзина произвёл на развитие нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное общество под названием: Арзамас».

«Арзамас» остался в воспоминаниях, и уже в 1818 году Уварова назначают президентом Академии наук. Свою роль сыграли и родственные, и приятельские связи Сергея Семёновича, и репутация вдумчивого исследователя, заработанная франкоязычными трудами «Об Элевзинских мистериях» и «Император Александр и Бонапарт». На этой должности он пребывал до смерти. Одновременно он возглавлял до 1822 года С.-Петербургский учебный округ, а с 1822-го — департамент мануфактур и внутренней торговли.

В декабре 1832 года Уваров подаёт свой голос за избрание А.С. Пушкина членом российской Академии. Мы ещё расскажем о сложных взаимоотношениях Уварова и Пушкина, но тогда, в 1832-м, президент Академии способствовал получению поэтом академического звания.

Уваров показал себя весьма деятельным президентом Академии. Заступив на должность, Сергей Семёнович «не нашёл следов благоразумного хозяйственного управления» во вверенной ему Академии и рационально реорганизовал её структуру. Средства вверенного ему научного учреждения росли, проходили выборы новых российских академиков. Академия предпринимала научные экспедиции. При Уварове была основана Пулковская обсерватория, ставшая признанным достижением отечественной науки. Уваров стремился к активизации научной жизни, для чего использовал почту. Работы академиков рассылались в разные страны Европы, в разные уголки России. Теперь в курсе новых исследований российской науки были и Карамзин (избранный при посредстве Уварова академиком), и Гёте, и Нибуэр, и Мальтус. Великий пропагандист, он понимал силу информации и информатизировал работу ведомств, которыми руководил. Этим качествам Уварова мы обязаны и возрождению журнала в 1834 году.

3

Министерская карьера Сергея Семёновича Уварова связана с первой половиной царствования Николая I, о которой Пушкин писал как об «оживлении России». В этом оживлении Уваров, несомненно, играл важную роль идеолога.

В 1832 году президент Академии наук Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения. Министром в ту пору был князь Карл Андреевич Ливен, стареющий боевой соратник

А.В. Суворова. Через год Уваров занял место министра. Шестнадцать лет (до 1849 года) Сергей Семёнович возглавлял Министерство народного просвещения. Кредо уваровской политики было выражено в первом же документе, составленном им после назначения министром. Впрочем, Уваров использовал его и в 1832 году, будучи товарищем министра. Именно тогда впервые прозвучали эти три слова: «Православие. Самодержавие. Народность». Уваровское триединство, названное А.Н. Пыпиным³ *теорией официальной народности*, стало основой государственной идеологии Российской империи. Идеологии в течение двух десятилетий бывшей эффективной, но подорванной Крымской войной. Национальной идее был необходим национальный герой. Им стал православный спаситель самодержавия из народа — крестьянин Иван Сусанин. И опера М.И. Глинки «Жизнь за царя», посвящённая подвигу Сусанина, и памятник народному герою в Костроме — всё это было предусмотрено уваровской концепцией.

Даже сегодня ёмкий уваровский лозунг сохраняет притягательность для многих наших соотечественников, видящих в нём источник жизнеспособной идеологии для современной России.

Итак, уваровское кредо стало для нашей истории важным явлением, достойным внимательного изучения. При этом главным источником государственной идеологии николаевской России стал «Журнал Министерства Народного Просвещения», с размахом возобновлённый Сергеем Семёновичем.

Вклад Уварова в возрождение журнала огромен. По воспоминаниям известного журналиста, историка и профессионального редактора А.В. Старчевского, министр сам разработал план «Журнала Министерства Народного Просвещения», продумал и сформировал рубрики, определил суммы гонораров за статьи и «пригласил сотрудников из профессоров университетов, учителей гимназий и других учебных заведений и прочей пишущей братии, служившей по тому же министерству»⁴. Конечно, тираж журнала значительно уступал «Библиотеке для чтения», «Отечественным запискам» и «Современнику». Но, несомненно, среди ведомственных изданий «Журнал Министерства Народного Просвещения» стал наиболее интересным и авторитетным.

Внимательный читатель журнала уваровских времён осознает, с каким сосредоточенным вниманием новый министр просвещения отнёсся к государственной идеологии, вне связи с которой он не мыслил просвещения. Сама идеология государства тоже была просветительской, с опорой на культовые фигуры российской имперской истории — великих императоров Петра и Екатерину. Прозорливость Уварова поражает: этот одарённый молодой человек, которого современники считали «бесхарактерным, суетным, легкомысленным», как никто в России того времени, понял богатырскую силу действенной идеологии для государственной жизни, для судеб просвещения. Можно не разделять постулатов Уварова, не всё в них было на пользу России, но следует признать, что в целом это был прорыв. Ему удалась насыщенная, реалистичная и духоподъёмная программа. И сложилась она в воображении Уварова не в одночасье. Может быть, в его сочувствии к консервативным участникам «Беседы...» уже сквозила тоска по сплочению всех элит на основе национальной идеи. Он и создал центральную для нашей истории XIX века

Николай I
Худ. Ф. Кригекаль

³ См. об А.Н. Пыпине в главе 7.

⁴ Старчевский А.В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1888. № 10. С. 110.

лабораторную национальную идею. Повторим: лабораторную, но реалистичную, связанную с истинным народным мировоззрением, с особенностями нашей истории.

Уваров регулярно печатал в журнале отчёты о работе министерства. Он любил, чтобы его работа была зримой, бесспорной, подтверждённой фактами. Любопытно, что свои научные труды (точнее, их переводы на русский) и мемуары Уваров публиковал не в собственном «Журнале Министерства Народного Просвещения», а в «Современнике», журнале, связанном с именами Пушкина, Пущина, Панаева, Некрасова. В журнале он печатал только сочинения по стратегии образования и государственной идеологии. Журнал понимался Уваровым как штаб образовательной и идеологической реформы.

В журнале Уваров завёл характерные для того времени порядки: Это издание сразу стало центральным научным периодическим изданием в России, а ведущее положение в нём занял отдел классической филологии. Сам Уваров немало занимался античной культурой и в работе журнала мог опираться на авторитет Академии наук. Собственно, Уваров имел все возможности для развития журнала. И воспользовался ими, создав для себя почётную трибуну, а для российской науки — кафедру, с которой всё чаще озвучивались исследования, посвящённые античной культуре. Такой порядок вещей отражал уваровские представления о классическом образовании, впоследствии развитые министрами Толстым и Деляновым. Так сложилось противоречивое явление в истории русского Просвещения — «толстовский классицизм».

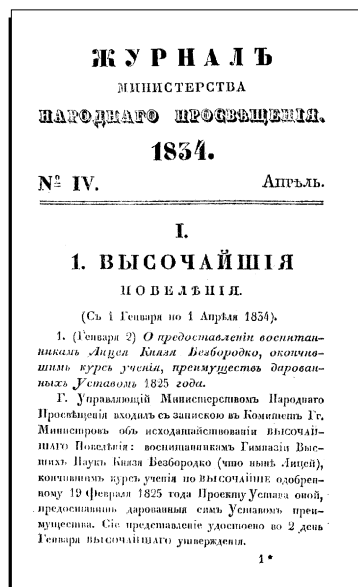
В идеологических построениях Уварова очевидна его осведомлённость в истории отечественной культуры. Министр имел собственный взгляд на древнерусскую литературу, на Феофана Прокоповича и Михаила Ломоносова. Мало кто из литераторов, а тем более из чиновников той поры так ценил древнерусскую культуру. А ведь Уварова упрекали в космополитизме, в незнании России!

Своей идеологической программой Уваров стремился прежде всего воспитать патриотически мыслящую интеллигенцию, преданную империи. Он, предпочитавший писать свои научные работы по-французски, всё более разочаровывался в республиканских идеях и склонялся к почвенничеству. В нашем журнале Уваров излагал намерение

«изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах радужное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приношение общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому».

Слова, под которыми может подписаться и современный патриот. Программе Уварова мы обязаны тем, что со второй половины XIX века в образованной среде русский язык стал основным языком письменной речи, сменив в этом качестве французский. То есть Уваров, сам франкоязычный автор, сделал всё для того, чтобы его преемники свои научные работы писали на родном языке. Знаменательно, что «Журнал Министерства Народного Просвещения» со дня возникновения пропагандировал *русскоязычную науку*, будучи *русскоязычным журналом*. Круг проблем, которые затрагивал журнал, тоже был связан с потребностями российского государства, российского просвещения. Широкая программа по изучению античности, предложенная Уваровым, также считалась необходимой для России, отвечала, по мнению авторов журнала, коренным российским интересам высокого просвещения.

Первый январский номер «Журнала Министерства Народного Просвещения» открывался Высочайшими повелениями с 18 марта по 1 сентября 1833 года, согласно которым министр народного просвещения генерал от инфантерии князь Ливен увольнялся от управления министерством, а тайный

советник Уваров вступал в права и обязанности министра. Об этом была первая публикация обновлённого журнала.

Заметим, что Уваров критически относился ко многим проектам царствования Александра I, о чём не раз писал в своих программных документах. Утопизм некоторых идей того времени Уваров метко назвал «административным сен-симонизмом»... Эта критика придавала идеям Уварова особый, реформаторский, смысл, а сам Уваров, говоря современным языком, превращался в харизматического лидера новой реформы.

Определим основные этапы появления уваровской идеологической концепции. 1832 год. Уваров — товарищ министра народного просвещения, выдвигающий свой меморандум как основу для будущей службы на более высоких государственных постах. Самое раннее упоминание о триаде «Православие. Самодержавие. Народность» относится к марту 1832 года, когда Уваров написал сохранившийся черновик франкоязычного письма государю. Именно в этом письме Уваров определил ведущую роль Министерства народного просвещения в административном корпусе Российской империи. В марте 1833 года, при вступлении в должность, Уваров распорядился о рассылке по учебным округам циркуляра, в котором он так формулировал кредо своё и министерства: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединённом духе Православия, Самодержавия и народности». Знаменательно, что слово народность — единственное в триаде — всё-таки писали со строчной буквы. Циркуляр, как известно, опубликовали в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения». Не раз исследователи отмечали, что формула Уварова вытекала из российского военного девиза, появившегося ещё в конце XVIII века: «За Веру, Царя и Отечество!»⁵. Но заметим, что неутомимый Уваров не только использовал, но и популяризировал и этот, военный, лозунг. Его старания не пропали даром.

В начале 1834 года, через полтора года, Уваров развил свои идеи в докладе «О некоторых общих началах...», во вводной статье первого номера журнала: «Министерство вменяет себе в прямой и священнейший долг давать «...» полезное направление читателям своего Журнала, да удовлетворится истинных сынов Отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям Отца России». Так идеи Уварова были осенены царским именем. Впрочем, иного пути развития у самодержавной государственной идеологии и не может быть.

В 1843 году Уваров работает над запиской для государя, в которой подводились итоги десятилетней работы Сергея Семёновича во главе Министерства народного просвещения. Это сочинение Уварова было издано в Санкт-Петербурге в 1864 году под названием «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843». И через одиннадцать лет после рождения легендарной формулы Уваров был ей верен. Значит, политика, которую целое десятилетие проводили министр, его министерство и его журнал, не обанкротилась. Напротив, уваровские идеи внедрялись в массы; в начале 40-х годов они уже стали «хорошим тоном» российской политической элиты. Но Уваров добивался большего. Он мечтал сплотить страну вокруг своей триады, сплотить для блага России, её могущества, её просвещения.

Православие. Это коренное для русской духовности слово стоит в уваровской триаде на почётном первом месте. К Православию (как, кстати, и к имперскому патриотизму) Уваров пришёл не сразу. Конечно, он, как это полагалось и полагается, был крещёным человеком, знавшим только православное богослужение. Но основой уваровского мировоззрения Православие стало отнюдь не в его юные годы. Воспитанный католическим аббатом, он прошёл через все искушения, которые могла предложить Европа любознательному русскому дворянину. Увлечение масонством, усвоенный европоцентризм, несколько пренебрежительное отношение к русской старине — всё это было в юности Уварова, всё это до сих пор припоминают его недруги, всё это Уваров преодолел, с 30-х годов отдавая именно Православию все силы своего таланта.

⁵ Шевченко М.М. Сергей Семёнович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 105.

Самодержавие. Основа российской государственности. В понимании жертвенной миссии самодержавия Уваров был близок славянофилам, в частности М.М. Хераскову. Изучив недостатки республиканской системы, а также европейских монархий, Уваров начал исследовать феномен русского самодержавия. Вскоре он стал одним из самых компетентных специалистов в этой области, осознавшим значение самодержавия в истории России не только послепетровской, но и московской.

Народность. Наиболее спорная позиция в уваровской формуле: уже в 40-е годы многие это понятие считали фальшивым. Крепостное право не соответствовало принципам большей части образованных русских людей — и этот факт мрачной тенью ложился на восприятие уваровской триады. И всё-таки, по нашему мнению, уваровская идеология оказалась прорывом в социологической мысли, в том числе и в понимании *народности*. Уваров стремился к достижению гражданского мира в империи, а для этого следовало сакрализировать понятие народа, оградить его от высокомерия элит, проповедовать уважение ко всем слоям общества. Кроме того, С.С. Уваров, проанализировав бурную историю Европы XVII—XVIII вв., одним из первых понял необходимость предупреждения возможных межнациональных конфликтов в Российской империи. И в его программе заметно стремление объединить разные национальности России на базе Православия и самодержавия в имперский суперэтнос, определённый простым и ясным понятием «народность». Исчерпывать учение Уварова пыпинским снисходительным определением не стоит. У Сергея Семёновича всё было сложнее и внятнее.

Идеологическая система Уварова с годами не утратила свой созидательный потенциал. И сейчас, как бы ни сложилась наша новая национальная идея («сверху» или «снизу»), её создателям не обойтись без переосмысления концепции С.С. Уварова.

4

Его не обходили ордена, он никогда не был обделён царской милостью. 1 июля 1846 года за многолетнюю (с 1801 года и первых младенческих шагов в дипломатии прошло сорок пять лет!) и беспорочную службу С.С. Уварова возводят в графское достоинство. Его девизом, который отныне красовался на графском гербе, стали всё те же слова: «Православие. Самодержавие. Народность». Известна зависть современников к Уварову, в том числе и современников великих — ну, а как же без зависти? Известно, что удачливости мы не прощаем никому. А он, унаследовавший миллионное состояние тестя, ставший одним из первых лиц государства, вечный острослов, казался человеком удачливым.

Но и Уварову, так ярко начинавшему в литературе, было кому завидовать. Что испытывал он, в 40–50-е годы вынужденный говорить о Пушкине как о классике литературы, вынужденный вещать о необходимости изучения пушкинского наследия?.. Большие, историко-литературного масштаба, творческие успехи современников не могли не раздражать Уварова, считавшего себя не менее способным человеком, которому только государственные дела помешали стать великим писателем. Ведь и впрямь недосуг было! О сложном, наполненном рефлексиями, отношении Уварова к Пушкину говорит его поведение в первые дни после кончины поэта. Реакция Уварова была чудовищно противоречивой. П.И. Бартенев вспоминал: «Живы ещё лица, помнящие, как С.С. Уваров явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина и как от него сторонились»⁶. Так было. В то же время Уваров применял энергичные меры по нейтрализации студенчества, которое он не хотел допустить до прощания с Пушкиным. В университете строго объявили, что в день похорон студентов посетит сам министр Уваров,

чтобы отследить прогульщиков. Попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову Уваров писал:

«По случаю кончины А.С. Пушкина, без всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нём. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдаема была надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить внимание на это и приказать цензорам не позволять печатания ни одной из вышеозначенных статей без вашего предварительного одобрения»⁷.

Вроде бы резонные слова, государственная позиция. Умеренность действительно необходима, когда речь идёт о властителе дум, *погибшем на преступной дуэли*. Но при сопоставлении этого послания Уварова с его будущими словесами о пушкинском гении становится яснее лицемерность тогдашнего поведения министра просвещения. А трагические дни всегда срывают с нас «все и всяческие» маски...

Сейчас страшно читать и о вельможном высокомерии, с которым Уваров говорил своему другу и попечителю столичного учебного округа князю А.М. Дондукову о Пушкине и пушкинских днях. А.А. Краевский, автор вдохновенного некролога Пушкину («Солнце нашей поэзии закатилось!..»), выслушал саморазоблачающий выговор Дондукова: «Я должен вам передать, что министр (Сергей Семёнович Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за чёрная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это ещё куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семёнович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит ещё, как выразился Сергей Семёнович, проходить великое поприще! Министр поручил мне сделать вам, Андрей Александрович, строгое замечание и напомнить, что вам, как чиновнику Министерства народного просвещения, особенно следовало бы воздержаться от таковых публикаций»⁸.

Интересно, как в этой мстительной интриге сошлись давние герои пушкинских эпиграмм:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж... есть.

Это ведь и о Дондукове-Корсакове, и о Сергее Уварове...

«Писать стишки не значит ещё проходить великое поприще!» Так выразился Сергей Семёнович. А ведь ещё в 1831 году тот же Уваров с усердием переводил на французский пушкинское стихотворение «Клеветникам России». Публикации «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» в европейских странах, на разных языках, были политической необходимостью, они поднимали международный авторитет николаевской России. И в этой программе Уваров участвовал бок о бок с Пушкиным. Пушкинское стихотворение отвечало уваровской концепции. Министр, по собственному признанию, был «восхищён прекрасными, истинно народными стихами», которые с искренней радостью перевёл на французский.

⁷ Щукинский Сборник, I. С. 298.

⁸ Русская старина. Т. 28. 1880. С. 536.

Высокопоставленный переводчик почтительно прислал поэту свою рукопись. Пушкин ответил Уварову, кажется, с чрезмерной любезностью. В его письме от 21 октября 1831 года выражается восхищение «прекрасными, истинно вдохновенными стихами» Уварова, для которых пушкинские «Клеветникам России» послужили лишь «простою темой для развития гениальной фантазии». Нечасто Пушкин бывал так комплиментарен со своими адресатами. Хотя, конечно, письмо это говорит и о том, что близкими друзьями они с Уваровым никогда не были. Для друзей у Пушкина был другой, менее церемонный, язык. Да и витиеватые похвалы могут показаться желчной иронией: «Мне остаётся от сердца благодарить Вас за внимание, мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами». Наши современники подчас склонны видеть в этих строках Пушкина одну лишь иронию. Думаю, такой подход грешит модернизацией. Отношения Пушкина и Уварова начали всерьёз портиться только на излёте 1834 года. Именно с этого времени Уварова начинает не устраивать порядок цензурирования пушкинских произведений, некогда предложенный Николаем. В сентябре 1832 года Уваров, как гостеприимный хозяин российского образования, представил Пушкина студентам Московского университета. Представил как первого поэта России. И это был ответственный шаг: ведь Уваров в то время только приступал к своей работе в министерстве, стараясь определить потребности государства и государя... Факты говорят о том, что в 1832 году, будучи соискателем на место государственного идеолога, Уваров демонстративно оказывал почтение Пушкину, как будто включая его в свой «меморандум». Возможно, будущий министр угадывал настроения императора. А в 34-м году своей властью Уваров кромсает поэму «Анджело». Затем он начинает борьбу против «Истории Пугачёва» («Истории пугачёвского бунта»). И в 35-м году поэт уже записывал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтобы я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псать не любит. Кстати, об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость доходит до того, что он у детей Канкринна на посылках. Он крал казённые дрова, и до сих пор на нём есть счёты (у него одиннадцать тысяч душ), казённых слесарей употребляет в собственную работу и т.п.». На волне таких настроений пошли эпиграммы, злые аллегорические стихи «На выздоровление Лукулла», после которых Уваров навсегда уверился в том, что Пушкин — его враг.

Историк Сергей Михайлович Соловьёв, автор «Журнала Министерства Народного Просвещения», писал об Уварове:

«Он был человек с бесспорно блестящими дарованиями и по этим дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей был способен занимать место министра народного просвещения и президента Академии наук; но в этом человеке способности сердечные несколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина, Александра I, но оставшийся в сердце слугою; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину Николаю I; он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги. Люди порядочные, к нему близкие, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще-умном, поражали, однако, крайнее самолюбие и тщеславие; только и ждёшь, — вот скажет, что при сотворении мира Бог советовался с ним насчёт плана».

Суровый приговор великого историка, показавшего себя в этой отповеди и острым сатириком. Но, думаем, этот приговор не во всём справедлив. Моралист Соловьёв не принял артистического тщеславия, артистической зависти, составлявших суть Уварова. Что ж, ужиться с Уваровым действительно было нелегко, а пресловутый аристократизм, вызывавший споры с 20-х годов, Уварову не могли простить и писатели пушкинского круга. Только их коробила *приобретённость* уваровского аристократизма, они любили вспоминать про Сеньку-бандуриста, пересказывали легенду о том, что Уваров был незаконнорождённым сыном князя Апраксина. Для Соловьёва граф Сергей Семёнович тоже был «службой с повадками барина». В этом замечании историка — следы пушкинского снобизма. А важную роль государственной пропаганды, которую Уваров осознал и использовал в создании триединой формулы, ещё предстояло увидеть потомкам Соловьёва в XX веке. И сын историка, Владимир Сергеевич Соловьёв (также автор журнала) уже не был столь категоричен в оценке Уварова. Напротив, он защищал министра от пушкинской язвительности, считая некорректным стихотворение «На выздоровление Лукулла». В.С. Соловьёв писал:

«В публичной своей деятельности УВАРОВ ИМЕЛ БОЛЬШИЕ ЗАСЛУГИ: ИЗО ВСЕХ РУССКИХ МИНИСТРОВ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ОН БЫЛ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, САМЫЙ ПРОСВЕЩЁННЫЙ И ДАРОВИТЫЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО — САМАЯ ПЛОДОТВОРНАЯ. ДЛЯ СЕРЬЁЗНОЙ САТИРЫ, ВНАШАЕМОЙ ИНТЕРЕСОМ ОБЩЕСТВЕННЫМ, УВАРОВ НЕ ДАВАЛ ПОВОДА, И, В САМОМ ДЕЛЕ, ПУШКИН ОБЛИЧАЕТ ТОЛЬКО ЧАСТНЫЙ ХАРАКТЕР МИНИСТРА, И ЕГО ОБЛИЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СКОРЕЕ ПАСКВИЛЬ, НЕЖЕЛИ САТИРУ».

Осознание важности тонкого идеологического инструмента в государственной жизни приходило постепенно, с кровавыми военными потерями и опасностью распада страны. Уваров, повторим, в этом понимании опередил своё время. Министр народного просвещения опробовал оружие, которое впоследствии станет смертельным, которое будут использовать и во спасение человечества, и для его уничтожения. И оказался наш министр, прозванный в «Арзамасе» «Старушкой», невольным предшественником Йозефа Геббельса, Андрея Жданова, Александра Щербакова, Артура Шлезингера, Збигнева Бжезинского, Михаила Андреевича Суслова и нашего времени, в которое прессу назвали «четвёртой властью»...

5

Именно теория официальной народности напрямую связала судьбу министра Уварова с судьбой журнала. Весь 1833 год в министерстве и созданной редакции журнала шли подготовительные работы. К проекту подошли основательно, семь раз отмеряли, прежде чем отрезать. Только в январе 1834-го первый, программный, номер обновлённого «Журнала Министерства Народного Просвещения» вышел в свет. В концептуальных уваровских документах, опубликованных в этом номере, отразились двухлетние искания министра-идеолога, ставшие фундаментом всей многолетней деятельности С.С. Уварова на министерском посту.

Исследователи спорят: определял ли Уваров идеологию Российской империи? Или его концепция предназначалась только для Министерства народного просвещения, то есть для образовательной стратегии, практиковавшейся в учебных заведениях? Многие проясняет сравнительно недавно обнаруженное письмо Уварова императору Николаю, написанное по-французски ещё в 1832 году. Уваров довольно амбициозно берёт на себя роль идеолога империи. В письме государю он заявляет: «Или Министерство народного просвещения не представляет собой ничего, или оно составляет душу административного корпуса». О том, что идеи Уварова были одобрены Николаем, говорит сам факт всеместного распространения триады «Православие. Самодержавие. Народность». Уваров и намеревался управлять общественным мнением через образовательные институты, создавая таким образом милую сердцу царя идеологическую вертикаль. Письмо 1832 года было первым изданием идеологии Уварова. Позднейших переизданий было немало.

Известно, что потребность в привлекательной идеологии усилилась в России после европейских революционных событий 1830 года. В письме Уварова мы находим прямые ссылки на эту подоплёку: «Не провозгласил ли недавно с трибуны один из творцов июльской революции г. Гизо, человек, наделённый совестью и талантом: «У общества нет более политических, нравственных и религиозных убеждений»? Этот вопль отчаяния, произвольно вырывающийся у всех благонамеренных людей Европы, каких бы взглядов они ни придерживались, служит единственным символом веры, который ещё объединяет их в нынешних условиях». Это в Европах. А российским символом веры, в котором Уваров подразумевал и духовность, и созидательность, и оборонительную силу, должно стать триединство. Есть соблазн вывести уваровскую идеологию из филофеевского «Москва — Третий Рим», из этого первого имперского лозунга московского государства. Но, думается, наш министр стремился придать государственному курсу иное, не экспансионистское и не миссионерское направление. Православие Уваров понимал в петровской, огосударствлённой, традиции. Ни к Филофею, ни к Иосифу Волоцкому, ни к Ивану Грозному уваровский проект не восходил (Сергей Семёнович, между прочим, был далёк от славянофильства). Он стремился объединить империю прежде всего для решения внутренних задач, из которых первыми были задачи просветительские. Был он империалистом, а значит, стихийным интернационалистом. Благонамеренность и преданность государству были для Уварова куда важнее религиозной и тем более национальной принадлежности. Пускай современные патриоты не ищут в его проекте воспевания Святой Руси. Уваров мыслил и действовал в категориях и условиях петровской Российской империи. Стремился предупредить сепаратизм, революционные настроения, а интеллектуальной элите предоставить альтернативу идеям декабря 1825 года. И, признаем, многое, очень многое у «легкомысленного фата» Уварова получалось. Своеобразной «выставкой достижений» министерства и журнала стал анализ Уваровым своего десятилетнего пребывания во главе Министерства народного просвещения.

Европейские события 1848 года отразились на судьбе Уварова. Он, олицетворявший российскую реакцию на предыдущую волну революций, на этот раз оказался не у дел. Николай отнёсся к французским событиям с охранительным радикализмом, преувеличивая собственные возможности влияния на ход европейских дел. Стремясь уничтожить ростки революционных настроений в России, царь учредил бутурлинский комитет, присматривавший и за печатью, и за цензурой в обход Министерства народного просвещения. Это был знак недоверия Уварову — и не удивительно, что министр воспринял его болезненно. К тому же Сергей Семёнович возмутился из-за не согласованной с ним политикой сокращения студентов в университетах. Уваров подал в отставку, оставив беглый анализ той тревожной ситуации: «Я не вижу себя принуждённым заметить на это, что стремление, не довольствуясь видимым смыслом, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутреннего смысла, видеть в них одну лживую оболочку, подзревать тайное значение, что это стремление неизбежно ведёт к произволу и несправедливым обвинениям». Уваров, как и некоторые другие представители правящей элиты того времени, считал чрезмерно строгие меры вредными для общественного мнения. Он с молодых лет (с сочинения о Наполеоне и императоре Александре) прекрасно понимал, что за политику без компромиссов государству приходится дорого платить. Эта ситуация, когда реальной политикой Николая оказались недовольны его ближайшие соратники (кроме Уварова, и митрополит Филарет) объективно описана в работе Б.Н. Тарасова⁹, посвящённой Николаю I.

Последний год министерской службы был для Уварова тяжёлым. Государь был недоволен литературными журналами, его не устраивала и работа цензуры... История создания бутурлинского комитета (первоначально его возглавил князь А.С. Меншиков) поучительна для политиков всех времён.

Статс-секретарь барон М.А. Корф, метивший в министры народного просвещения, затеял интригу против Уварова. Двусмысленно выглядело и поведение влиятельнейшего политика последнего

десятилетия правления Николая I — князя А. С. Меншикова, внешне сохранявшего лояльное отношение к уваровской политике. 22 февраля 1848 года Меншиков заявил цесаревичу Александру Николаевичу, что «у нас идёт подкопная работа либерализма», которая охватила учебные заведения и журналы. «Да, очень дурны журналы, — отвечал ему цесаревич, — и ежели что в них такое встретится, то покажите мне»¹⁰. Барон Корф не ограничился устным намёком. Он составил пространную записку, в которой упрекал работу цензуры, пропускающей неподобающие публикации в журналах «Отечественные записки» и «Современник». Записка предназначалась цесаревичу. Современники восприняли инициативу Корфа как донос на Сергея Семёновича Уварова...

23 февраля было объявлено об учреждении особого Комитета под председательством князя Меншикова. В Комитет включили М.А. Корфа, А.Г. Строганова (бывший министр внутренних дел) и Д.П. Бутурлина. Фактически Комитет расследовал деятельность уваровского ведомства. Князь Меншиков, мятущаяся душа, записал в своём дневнике: «Получил от графа Орлова сообщение высочайшего повеления, что мне быть председателем Комитета о проступках цензуры в пропуске неподобающих статей в журналах, т.е. род следствия над министром просвещения графом Уваровым; поручение весьма неприятное»¹¹. Вскоре Меншиков даже побывал у Уварова с примирительными речами, дабы тот «убедился, что я не инквизитор». Меншиков (как и граф А.Ф. Орлов) постарался отказать от руководства «инквизиторским» собранием, и через месяц новый состав Комитета возглавил Д.Н. Бутурлин. Комитет просуществовал до 1856 года, но особенно актуальной его деятельность была именно в последний год правления Уварова, по мнению барона Корфа, «утратившего доверие государя».

В год отставки граф Уваров овдовел. Теперь он больше времени проводил в загородных имениях и Москве, получая отдохновение от шумного Петербурга. Особенно ему полюбилось Поречье, имение под Можайском, в Смоленской губернии. Он продолжал исполнять обязанности президента Академии, но это занятие не было хлопотным. Жизнь в Академии протекала в русле реформ, успешно проведённых в первые десятилетия уваровского правления. Активные рассылки писем и научных работ по университетам и академиям Европы продолжались, став практикой, принятой не только в России, но и в тех же европейских академиях и университетах.

На досуге отставной министр почитывал родной журнал, оставшийся в центре научной жизни.

В 1850 году государь наградил Уварова высшим орденом империи — орденом Святого Андрея Первозванного. Теперь граф обладал всеми регалиями своего государства. В Поречье он окружил себя книгами, любимыми картинами и приятными собеседниками, занимался наукой, давал оценки политической ситуации. Слегка фрондировал, может быть, надеясь на победное возвращение в политическую элиту. Неподалёку от Поречья, в родовом сельце Холм, Уварова и похоронили в сентябре 1855 года, почти одновременно с николаевской эпохой, которой он беззаветно служил.

6

Сын С.С. Уварова, Алексей Сергеевич (1824–1884), стал замечательным историком, археологом и собирателем древностей. Вместе с историком Иваном Забелиным он основал московский Исторический музей. Это учреждение было и остаётся уникальным собранием исторических реликвий; по количеству экспонатов Государственный Исторический музей является одним из крупнейших в мире. Знаменательно и то, что здание Исторического музея, построенное архитектором В.О. Шервудом в характерном для правления Александра III неорусском стиле, изначально проектировалось

¹⁰ Из дневника князя А.С. Меншикова 1848 года. Цит. по: Шильдер Н. Император Николай Первый. Книга вторая. М., 1997. С. 502.

¹¹ Там же. С. 504.

для уваровского исторического музея. В прежние времена музеям обычно даровали какой-нибудь дворец — а тут строительство вели продуманно. Поэтому и фасадная, и интерьерная архитектура подчинена единому замыслу: показать историю Отечества и историю человечества. По концепции Уварова, здание должно было гармонировать с ансамблем Красной площади — и Шервуд удачно использовал мотивы русской архитектуры XVI—XVII веков.

Алексею Сергеевичу Уварову принадлежит и честь проведения первых археологических съездов в России, благотворно повлиявших на развитие науки. Граф Алексей Сергеевич Уваров заслужил посмертную благодарную память соотечественников. Но не меньшего заслужил и его отец, президент Академии наук, министр народного просвещения граф Сергей Семёнович. Уваров-идеолог, Уваров-царедворец, Уваров, возродивший журнал. И в истории российского правительства, и в истории Академии наук, и в истории журналистики Уваров остался одним из наиболее талантливых и энергичных деятелей. Он открыл новые пространства в нашей идеологии — и нынешнее поколение редакторов и авторов журнала «Народное образование» вправе гордиться своей причастностью к судьбе такого яркого человека, каким был граф Уваров.

